

IV.

Укрощеніе бури на Галилейскомъ озерѣ.

Быль вечеръ. Волны тихо спали;

Плеснетъ лишь рыбка здѣсь и тамъ.

Апостолы-гребцы держали

Руль къ Гергесинскимъ берегамъ;

А на кормѣ, отъ утомленья

Трудами дня, Учитель спалъ,

И сонъ Его въ благоговѣнны

Никто изъ нихъ не нарушалъ.

Быстрѣ птицы лодка мчалась

Впередъ—въ синѣющей просторъ...

Въ дали туманной рисовались

Вершины Галилейскихъ горъ,

И среди нихъ—одинъ могучій

Святой и царственный Өаворъ,

Одѣтый грозовою тучей,

Къ себѣ манившій властно взоръ.

Вотъ скоро звѣзды показались,

И мѣсяцъ величавый всталъ:

И звѣзды въ глуби зажигались,

И мѣсяцъ въ глуби засіялъ,—

И отражалось все такъ ясно,
Такъ сладко лучъ въ волнахъ игралъ,
Какъ будто міръ иной—прекрасный
Въ пучинѣ озера лежалъ...

И вотъ ужъ берегъ показался
Предъ ними темной полосой
И цѣль близка, и каждый рвался
Душой и тѣломъ на покой...

Вдругъ буря грозно налетѣла,
И застонало лоно водъ:
За валомъ валъ катится смѣло,
И каждый съ ревомъ въ лодку бьетъ;
Пловцовъ то въ бездну опускаетъ,
То вскинетъ вверхъ съ горою водъ;
Волною лодку заливаешь,
И въ ней вода растеть-растеть...

Тогда, отчаявшись въ спасеньи,
Спѣшать Учителя будить:
„Проснись, Наставникъ! вѣдь волненье
Грозитъ въ пучинѣ потопить“...

И, вставъ, одною властью слова
Волнамъ и бурѣ запретилъ:
Все смолкло, стихли волны снова,
И воздухъ въ трепетѣ застылъ...

И говорить: „Какъ маловѣрны
И боязливы сердцемъ вы!“
Они жъ смущенные безмѣрно
Склонили передъ Нимъ главы,

Да лишь шептали межъ собою:
Что жъ это? Кто такое Онъ,
Что властвуетъ и надъ водою
И бурямъ даруетъ законъ?!

Діаконъ І. Понятовскій.